

Элиса МАЛЮТИНА
свободный исследователь

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)¹

Майдон бу — бўшлиқни ўзида мужассамлаштира олмайдиган бўшлиқдир. Майдоний ўлчамлар объектнинг шаклини аниқлайди. Майдоннинг барча номинациялари етакчи характерга эга. Объект-белгиларда масофа, объект таркибда эса ҳажм хусусиятлари бор. Майдоннинг алоҳида қисмларида масофа ва ҳажм хусусиятлари бирлашади. Уларнинг номинациялари ноаниқ характерга эга. Улар объект-белги (шаҳарда, майдонда) номинацияси парадигмининг компоненти сифатидаги сўз-формалардир ёки объект-таркиблар (ҳавода), сўз-форма йўналишлар (шаҳардан ташқарида), олмош равиш хусусиятлар, ходисалар, жамланмалар. Майдон бу яширин семантик категория.

Пространство — это пустота, которая не терпит пустоты. Пространственное измерение определяет форму объекта. Все номинации пространства носят опосредованный характер. Поскольку пространство не имеет признаков, отдельные части его могут быть обозначены либо через пространственные параметры предметов, либо ориентировочно, через соотношение данного, предметно не обозначенного пространства с пространством, предметно обозначенным. Номинация пространства местоименными наречиями, кроме всего прочего, опосредована контекстом или ситуацией. Наконец, та или иная часть пространства может быть выделена при помощи различного рода событий, происходящих в его пределах, или конситуации.

Space is a gap, which does not bear any gap and is filled with objects. Space dimensions determine the form of the object. Objects-items have features of distance, objects-substances have volume. Separate parts of space (local objects) have features of distance and volume in combination. Their nomination has indirect character. These are word-forms as a component of the paradigm of nomination of the object-items (in the city, on the square) or objects-substances (in the air), word-form orientations (out of town), adverbs with pronoun features, events, consituation. Space is a latent semantic category (cryptotype).

¹ Статья ранее была опубликована в журнале ACTA LINGUISTICA, Vol. 3 (2009), 2, С. 76–85.

Окружающая нас объективная действительность находится в состоянии постоянного движения, изменения, развития. В философских работах ее определяют как «движущуюся материю», существующую во времени и пространстве. Время – категория, которой не свойственна стабильность, это вечное движение. Пространство – категория, прямо противоположная категории времени: его характеризует неизменность, стабильность. Оно исполняет роль того стабилизирующего фактора, который дает возможность удерживать изменчивый мир в определенных рамках. Пространство охватывает весь материальный мир: ни предметы, ни события не могут существовать вне пространства. Все сущее погружено в пространство.

Представление о том, как связаны с пространством объекты материального мира (предметы – на уровне отражения), дает одно из философских определений пространства: «Пространство – одна из основных все-общих объективных форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом»(6, с. 528). Само пространство как философское понятие не имеет ни протяженности, ни объема. Оно является одной из форм существования материи (материальных объектов). Следовательно, свойствами протяженности и объема обладает не пространство, а материальные объекты, его заполняющие. Формальные признаки (форма) того или иного материального объекта зависят от того, какие пространственные координаты им используются: протяженность или объем.

Принято считать, что предметный мир является отражением двух видов материальных объектов: вещей (неживая природа, артефакты, растения, животные, люди) и веществ (газы, жидкости, дискретные массы). Формируясь в пространстве, предметы-вещи и предметы-вещества не одинаково его осваивают. Предметы-вещи используют пространственный признак протяженности (длина, ширина, высота): «город», «башня», «река», «дорога», «дерево», «цветок», «лес», «птица», «юноша», «старик» и т.д. Предметы-вещества характеризуются пространственным признаком объема: «воздух», «кислород»; «вода», «молоко»; «песок», «крупа». Таким образом, предметы-вещи и предметы-вещества присваивают какое-то одно пространственное свойство: либо протяженность, либо объем.

Пространственные параметры предметов дают возможность им самим быть основой для формирования других предметов, меньших размеров, ср.: «дом» – «крыша», «окно», «дверь», «стена», «труба»; «птица» – «голова», «крыло», «хвост», «лапка», «перо»; «платье» – «воротник», «рукав», «карман», «подол», «пояс» и т.д. А если взять для примера поверхность предмета «земля», то можно бесконечно перечислять предметы, формирующиеся на его территории.

Пространство не терпит пустоты, оно заполнено предметами. Предметы и пространство взаимозависимы, они не могут существовать друг без друга. Если характерным признаком всякого предмета являются его пространственные параметры, то важнейшим признаком пространства можно считать его предметность. Пространство предметно организовано. Если пространство формирует предметы, то пространственные параметры предметов позволяют выделить отдельные части пространства и представить их в виде самостоятельных пространственных единиц.

Для того чтобы показать, как это происходит, рассмотрим предмет «город». Материальный объект «город» обладает свойством протяженности (площадь, высота) и поэтому представляет собой вещь (артефакт). Площадь города определяется по размерам территории, которую он занимает на земной поверхности. Высота города – величина достаточно условная, зависит она от высоты объектов (зданий), находящихся в пределах города. Отражением материального объекта «город» является предмет «город» – денотат имени *город*. Имя *город* представлено в языке парадигматической системой словоформ, одна из которых имеет форму предложного падежа с предлогом *в* – *в городе*. Словоформа *в городе* обозначает не предмет-вещь, а часть пространства, в пределах которой размещается город. Единица пространства «*в городе*» характеризуется протяженностью, равной протяженности «*города*». В отличие от материального объекта «город», пространственные свойства пространственной единицы «*в городе*» не ограничиваются только признаками протяженности. Об этом свидетельствуют такие выражения, широко распространенные в русском языке: *В городе тепло и сухо; В городе пасмурно и свежо; В городе светает; В городе похолодало* и т.п. Состояния «*тепло*», «*сухо*», «*пасмурно*», «*свежо*», «*светает*», «*похолодало*» характеризуют не земную поверхность, а окружающую среду, в том числе воздушную среду, в которую погружен город в его границах. Воздушная среда (воздух) – это предмет-вещество, для которого характерным пространственным признаком является наличие объема. Таким образом, пространственная единица «*в городе*» отличается от артефакта «*город*» тем, что обладает пространственными признаками протяженности и объема в совокупности. Признаки протяженности и объема – это признаки предмета. Следовательно, денотатом словоформы *в городе* является предмет (его можно назвать локальным предметом), который представляет собой отражение некоторой части пространства.

В результате предметный мир оказывается состоящим не из двух, а из трех видов предметов: предметы-вещи, предметы-вещества и локальные предметы. Та или иная сущность материального мира представлена в человеческом сознании в

виде предмета только в том случае, если она обладает признаком, присущим всем предметам без исключения. Таким признаком является признак протяженности. (В данном случае объемность включается в состав протяженности, поскольку она представляет собой одну из ее специфических разновидностей.) Кроме того, в противоположность динамическому миру событий предметный мир обладает свойством статичности, неизменности, поскольку принадлежит статичному локальному пространству. В соответствии с этим можно дать следующее определение тому, что называется предметным значением: предметное значение (п р е д м е т н о с т ь) – это значение статичной протяженности предмета в локальном пространстве.

А теперь вернемся к анализу локальных предметов и рассмотрим особенности выражения их семантики на вербальном уровне.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что именем локального предмета (*в городе*) является не самостоятельное слово, а словоформа, входящая в парадигму имени предмета-вещи (*город*). Чтобы прояснить ситуацию, сопоставим семантику номинаций *город* и *в городе*. Денотаты этих номинаций различны: денотатом имени *город* является предмет-вещь, денотатом словоформы *в городе* – локальный предмет. Как правило, разные денотаты обозначаются разными словами. А в данном случае разные денотаты выражены формами одного слова. Обратимся к сигнификату имени *город*. Сигнификат имени – это понятийное содержание имени, которое состоит из «комплекса признаков денотата»(3). Сигнификат имени *город* представлен совокупностью множества признаков: это облик и количество зданий с их национальной спецификой, улицы, проспекты, площади, памятники, водоемы, парки, сады и мн. др. Этими же признаками обладает и сигнификат словоформы *в городе*. Иными словами, на ту часть пространства, которая принадлежит городу и обозначена словоформой *в городе*, метонимически переносятся признаки предмета «*город*». Однако общность сигнификата номинаций *город* и *в городе* не является абсолютной. Так, высота города определяется по высоте объектов, простирающихся в воздушной среде. Тем не менее, воздушная среда с ее объемом не входит в число признаков предмета «*город*». При характеристике предмета «*город*» она не учитывается, так как, по-видимому, представляется носителем языкового сознания само собой разумеющейся. Воздушная среда начинает играть существенную роль тогда, когда речь идет о пространстве, принадлежащем городу. Это пространство (локальный предмет) имеет уже признаки и протяженности и объема, что ведет к усложнению сигнификата номинации *в городе*. В частности, локальный предмет «*в городе*» обладает свойством находиться в том или ином состоянии в зависимости от состояния воздушной части пространства (*В городе морозно*), в то время как

предмет «город» такую характеристику иметь не может (вряд ли возможно сочетание **Город морозный*).

Итак, сами предметы одной из форм выражения сигнализируют о том, что заняли какую-то часть пространства. Эта часть пространства на уровне отражения приобретает свойства локального предмета и начинает функционировать самостоятельно: она получает возможность иметь собственные характеристики.

Локальный предмет выделяется при помощи пространственных параметров двух предметов: предмета-вещи и предмета-вещества. Следовательно, в основу номинации некоторой части пространства можно положить номинацию как предмета-вещи, так и предмета-вещества.

В качестве иллюстрации этого утверждения рассмотрим семантику двух словосочетаний: *рыба в реке* и *рыба в воде*. Если сопоставить эти словосочетания, то окажется, что словоформы *в реке* и *в воде* могут обозначать одно и то же пространство, но с разных позиций. В основе пространственной характеристики локального предмета «*в реке*» лежит свойство протяженности (площадь) предмета «*река*» (см. пространственную характеристику, например, реки Волга в (9, с. 239). Свойство объемности локальный предмет «*в реке*» заимствует у предмета-вещества «*вода*», заполняющего русло реки. В основе пространственной характеристики локального предмета «*в воде*» лежит свойство объемности предмета «*вода*». Границы локального предмета «*в воде*» определяются по протяженности того предмета, который заполнен водой (озеро, река, бассейн, аквариум, ведро), что выясняется из конситуации. Если это река, то мы получим две словоформы (*в воде* и *в реке*), выражающие одно и то же пространство. В результате словосочетания *рыба в реке* и *рыба в воде* обозначают, что рыба находится в одном и том же пространстве (в реке, в которой течет вода), но представленном с разных позиций. Во фразе *Тучи над городом встали, в воздухе пахнет грозой* словоформа *в воздухе* обозначает локальный предмет, представляющий собой воздушное пространство, но не бесконечное, а такое, которое имеет границы. В данной фразе речь идет о воздушной среде, ограниченной пределами города (его протяженностью). Ср. обозначение того же пространства словоформой *в городе*: *В городе пахнет грозой*. Приведем еще один пример. В предложении *В небесах торжественно и чудно* предложно-падежная форма *в небесах* входит в парадигму имени *небеса*, обозначающего воздушную массу (предмет-вещество с признаком объемности). Локальный предмет «*в небесах*» имеет не только объем, но и пространственные границы, которые устанавливаются из контекста. По начальной фразе стихотворения М. Лермонтова (*Выхожу один я на дорогу*) можно определить границы воздушного пространства: часть дороги и окружающей ее местности в пределах зрительного восприятия

поэта. Состояние именно этой части воздушной среды вызывает у поэта восторженную оценку.

Таким образом, недостающие пространственные параметры локального предмета, обозначенного одной из словоформ двух возможных для этого имен, восполняются из ситуации или контекста.

В рассмотренных примерах локальный предмет был представлен именем в форме предложного падежа с предлогом *в* (*в городе, в реке, в воде, в воздухе, в небесах*). Данная словоформа наиболее полно выражает основные пространственные параметры локального предмета, особенно в тех случаях, когда в основе его обозначения находится имя конкретного предмета. Это объясняется тем, что предлог *в* в сочетании с предложным падежом имени «употребляется при обозначении пространства, внутри или в пределах которого кто-, что-л. находится или происходит» (4): *в доме, в норе, в ведре, в саду, в кармане, в шляпе* и т.п. Если в основу обозначения локального предмета положен предмет-вещество, то пространственные границы локального предмета бывают менее определенными (см. семантический анализ словоформы *в небесах*).

Локальный предмет может быть обозначен именем в форме предл. п. с предлогом *на*: *на берегу, на крыше, на платье, на дереве, на стуле, на кровати, на воде, на небе* и т.п. В основе обозначения пространства при помощи этой словоформы находится предмет, «на поверхности (или на верхней, внешней стороне) которого протекает действие или находится, располагается кто-, что-л.» (5): *на платье бант, на дереве птица, на воде лодка, на крыше кошка*. В этом случае локальный предмет может иметь более или менее точно обозначенные пространственные границы, равные площади поверхности того предмета, который лежит в основе его обозначения (*на крыше, на платье, на стуле*). Остается неопределенным объем воздушной среды, который должен входить в параметры локального предмета, но он все же присутствует, о чем свидетельствуют предложения типа *На берегу жара, а на воде прохладно*.

Итак, ту или иную часть пространства можно обозначить либо именем в форме предл. п. с предлогом *в*, либо именем в форме предл. п. с предлогом *на*. Денотатом этих словоформ является локальный предмет, пространственные параметры которого представлены совокупностью протяженности и объема.

Для обозначения пространства используются и другие предложно-падежные формы: *у леса – около леса – за лесом – перед лесом – над лесом – под лесом* и т.п. Ни одна из перечисленных словоформ не обозначает пространства, занятого лесом. Все они устанавливают локальное отношение между пространством в пределах леса и пространством за его пределами. По своему значению эти словоформы являются пространственными ориентирами

некоторого пространства, которое имеет собственные параметры: часть земной поверхности, окруженная воздушной средой. Ни протяженность, ни объем этого пространства предметно не определены; единственным ориентиром, предметным указателем существования такого пространства является предложно-падежная форма типа *за садом, около дома и т.п.*, которая, выполняя заместительную функцию, становится средством выражения данного пространства. Ср.: *В лесу прохладно, царит таинственный полумрак; За лесом жарко, ярко светит солнце; Это в городе тепло и сыро, а за городом зима, зима, зима* (Л. Дербенев). От некоторых предложно-падежных форм в функции пространственных ориентиров образованы имена существительные, обозначающие ту территорию на земной поверхности, местность, на которую указывает пространственный ориентир: *под Москвой – Подмосковье; при городе – пригород; за Байкалом – Забайкалье; при море – приморье*. Подобного рода имена существительные обозначают не пространство (локальный предмет), а территорию (предмет-вещь), так как имеют только один пространственный параметр – протяженность. Для обозначения пространства используются все те же предложно-падежные формы: *В Подмосковье установилась хорошая погода; В пригороде появилось искусственное озеро*. Только словоформы *в Подмосковье, в пригороде, в Забайкалье, в приморье* обозначают часть пространства (локальный предмет), так как в их семантику входят пространственные параметры протяженности и объема в совокупности, хотя и недостаточно определенные.

Рассмотренные три способа обозначения некоторой части пространства можно расположить в порядке убывания определенности пространственных границ: имя в форме предл. п. с предлогом *в*, имя в форме предл. п. с предлогом *на*, денотатом которых является локальный предмет; предложно-падежные формы имен в функции пространственных ориентиров. Недостаточная конкретность в обозначении того или иного пространства заставляет иногда использовать несколько способов обозначения одного и того же пространства. Например, в стихотворении Э. Ханока «Зима» есть такие строки: *У леса на опушке / жила Зима в избушке*. Здесь представлены все три способа обозначения пространства по линии все большей конкретизации его границ: *у леса – на опушке – в избушке*. В то же время это создает развернутое, объемное представление о том месте, где жила Зима. Чаще всего бывает достаточно одного какого-то способа обозначения пространства. Приведем примеры из того же стихотворения «Зима»: *Она снежки солила в березовой кадушке; Сажала тонкий месяц в хрустальное ведро*. В этих предложениях Зима каузирует процесс засолки снежков во внутреннем пространстве кадушки, а затем каузирует местоположение месяца в полном пространстве внутренней части ведра. В предложении *За шершавой стеной тьма*

колючая пространство обозначено при помощи ориентира «за шершавой стеной», что не мешает достаточно точному представлению о том, какое пространство имеется в виду: контекст подсказывает, что речь идет о пространстве на опушке и в лесу, где и царит тьма колючая.

Кроме предложно-падежных форм имени, для обозначения той или иной части пространства используются также местоименные наречия с локальным значением. В этом случае номинация пространства носит «опосредованный характер», поскольку «наименование опосредовано соотносительностью с ситуацией разговора или с предшествующим обозначением того же номината» (1, с. 235, с. 269). Например: *Ель растет перед дворцом, / А под ней хрустальный дом; / Белка там живет ручная, / Да затейница какая!* (А.С.Пушкин).

Следует заметить, что в современном русском языке существует достаточно обширный класс локативных наречий, но большая часть из них обозначает пространство через пространственные отношения между предметами, например: *Корабль плывет далеко от берега; Рядом с домом растет высокий дуб.* В данном исследовании мы ограничимся только этим замечанием, поскольку функционирование локативных наречий требует отдельного детального изучения.

Нередко для обозначения пространства используется сочетание местоименного наречия с предложно-падежной формой имени. Каждая из этих словоформ вносит свои коррективы в установление пространственных координат происходящего события: *Где-то за городом очень недорого папа купил автомобиль.* Бывает, локативная номинация оказывается настолько неопределенной, что не дает возможности хотя бы приблизительно установить, какое пространство имеется в виду. Тогда на помощь приходят события, происходящие на этом пространстве: они позволяют установить, о каком пространстве идет речь. В качестве примера рассмотрим первые строки из «Песенки о медведях» на слова Л. Дербенева: *Где-то на белом свете, там, где всегда мороз, трутся спиной медведи о земную ось.* Сочетание *где-то на белом свете* в силу своей неопределенности и пространственной всеохватности не дает представления о том, какое пространство имеется в виду. Характеристика пространства при помощи указания на состояние окружающей среды и происходящее там событие позволяет выяснить, о каком пространстве идет речь: всегда мороз – на севере; трутся спиной медведи о земную ось – на Северном полюсе. Итак, по событийной характеристике можно точно определить, что в данном предложении говорится о событиях, которые происходят на Северном полюсе.

Событийная характеристика может оказаться единственным показателем того, что речь идет о каком-то пространстве. В современном русском языке

существует обширный класс безличных предложений, которые допускают в свой состав в роли субъекта (исходного предмета) номинаты только с локальным значением. Это предложения, обозначающие состояние окружающей среды (состояние природы, атмосферные явления, бытовая обстановка, социальная среда), оценку окружающей среды во всех ее проявлениях: *За окном темнеет. – Темнеет; В наших краях похолодало. – Похолодало; На дворе сыро. – Сыро; Пустынно и неуютно в доме. – Пустынно и неуютно; Празднично и радостно кругом. – Как празднично и радостно!* Событийная семантика таких предложений ориентирована на некоторое пространство: темнеет, похолодало или празднично не на всем белом свете, а где-то, в каком-то месте. При этом не имеет значения, есть в составе данного предложения словоформа с локальным значением или нет. В любом случае речь идет о каком-то, пусть неопределенном, пространстве, имеющем границы. Окружающая среда привязана к тому или иному пространству так, что одно не может существовать без другого. Окружающая среда погружена в пространство, заполняет его. Пространство же предоставляет некоторую свою часть, ограниченную параметрами протяженности и объема. Это можно представить как нечто вроде кокона. Внутренняя часть кокона должна быть чем-то заполнена. В данном случае она заполняется тем, что обобщенно обозначается словосочетанием «окружающая среда». Окружающая среда в пределах некоторой части пространства может находиться в том или ином состоянии. Иными словами, не та или иная часть пространства находится в определенном состоянии, а то, что ее заполняет, – окружающая среда. Если окружающая среда пребывает в некотором состоянии, то это ее свойство метонимически переносится на пространство, в пределах которого она находится. На вербальном уровне данная семантическая ситуация получает выражение в том, что предикат со значением состояния окружающей среды становится признаком некоторого пространства. Подобного рода предложения Ю.С. Степанов называет «локус-предложениями», а субъект с локальным значением – «локусом». Как отмечает Ю.С. Степанов, локус-субъект «выполняет преимущественно функцию референции к внешнему миру» (7, с. 52–54). Отсутствие локатива (локативной номинации) в составе безличного предложения (локус-предложения) не означает, что состояние окружающей среды не имеет пространственных границ. Событийная семантика «состояние окружающей среды» необходимо вызывает представление о наличии некоторого пространства, внутренняя среда которого находится в том или ином состоянии. Предложения, в которых значение локатива есть, а языковое выражение его отсутствует, можно было бы назвать локативно-неопределенными.

Рассмотренные способы представления пространства в русском языке приводят к парадоксальному выводу: пространство – это пустота, которая не

терпит пустоты. Все номинации пространства носят опосредованный характер. Поскольку пространство не имеет признаков, отдельные части его могут быть обозначены либо через пространственные параметры предметов, либо ориентировочно, через соотношение данного, предметно не обозначенного пространства с пространством, предметно обозначенным. Номинация пространства местоименными наречиями, кроме всего прочего, опосредована контекстом или ситуацией. Наконец, та или иная часть пространства может быть выделена при помощи различного рода событий, происходящих в его пределах, или конситуации.

Все это заставляет предположить, что семантическая категория пространства представляет собой скрытую категорию (криптотип). Термин «криптотип» и соответственно понятие скрытой категории были введены в лингвистический обиход Б.Л. Уорфом (10, с. 44–60). В русской лингвистике продолжил исследование скрытых категорий С.Д. Кацнельсон. Определение этого понятия, данное С.Д. Кацнельсоном, вполне соответствует описанным выше способам представления пространства в русском языке: «Скрытые категории – это подразумеваемые категориальные признаки, не имеющие самостоятельного выражения в языке... Как и все элементы мысли, они необходимо требуют звукового выражения, но выражаются они не прямо, не непосредственно, а окольным путем, при посредстве слов и словесных контекстов. Если скрытые категории, как иногда говорят, “угадываются из контекста”, то только потому, что в контексте содержатся достаточно четкие и недвусмысленные указания на этот счет» (2, с. 83).

В заключение необходимо вернуться к исходным позициям, чтобы уточнить основополагающие понятия. В данном исследовании понятие «пространство» противопоставлено понятию «время». Пространство статично, время динамично. Пространство формирует предметы, время их созидает и разрушает. Однако между пространством и временем отсутствует непреодолимая грань. Более того, они связаны друг с другом, образуя единое пространство, в которое погружен материальный мир.

Идея о существовании единого четырехмерного пространства была обозначена М. Аксеновым, который представил время как четвертую координату. Эта идея получила свое развитие в работах А. Эйнштейна. «Теория относительности отвергла представления о полной независимости Пространства и Времени, введя единый четырехмерный пространственно-временной континуум»(8).

Для непротиворечивого описания пространственно-временного континуума в пределах единого пространства появляется необходимость упорядочить

терминологию, поскольку термин «пространство» приобретает два разноплановых значения. Представляется возможным использовать такое, например, словоупотребление. Пространство, в котором пребывает материальный мир, состоит из совокупности двух сторон: локальное пространство и временное пространство. Это как бы две стороны одной медали. Они выполняют противопоставленные друг другу функции, обладают противоположными свойствами и поэтому чаще всего изучаются отдельно. Локальное пространство определяет форму материальных объектов со стороны их протяженности (три единицы измерения: длина, ширина, высота) и/или объема (кубические единицы измерения). Поэтому оно трехмерно. Во временном пространстве материальные объекты пребывают в динамическом состоянии. Для этого временное пространство предоставляет им динамическую длительность, которая выступает в качестве единственного параметра измерения времени. Следовательно, временное пространство одномерно. Таким образом, пространство как единое целое имеет четыре параметра измерения, т.е. четырехмерно.

Связь между локальным и временным пространством как двумя сторонами одной сущности – пространства проявляется также в том, что все существующее и происходящее во времени (все события) привязано к какой-то части локального пространства, к какому-то месту, что находит свое отражение в знаковой системе языка. На основании вышеизложенного необходимо констатировать следующее: функционирование языковых средств, используемых для обозначения локально-пространственных координат, в пределах которых протекают события и существуют предметы, можно аргументированно исследовать только тогда, когда будет рассмотрено временное пространство в том же ключе, что и локальное пространство.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. – М., 1977.
2. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
4. Словарь русского языка. Т. 1. – М., 1981.
5. Словарь русского языка. Т. 2. – М., 1982.
6. Словарь русского языка. Т. 3. – М., 1983.
7. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – М., 1981.
8. Страхов В.Г. Новый физический взгляд на философские категории Пространства, Времени и Информации – <http://av2029.comtv.ru/pv.htm>
9. Советский энциклопедический словарь. – М., 1984.
10. Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972.